

ЛЕТОПИСНАЯ ПОХВАЛА КНЯГИНЕ ОЛЬГЕ В ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ:
ПОЭТИКА И ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ ДОГАДКИ¹

*Кто эта блистающая, как заря, прекрасная, как луна,
светлая, как солнце, грозная, как полки со знаменами?*

Песнь песней 6: 9

В летописной Похвале Ольге есть часть, которая не отсылает прямо к Богородичным текстам, но снова ведет к женскому персонажу с мессианской ролью — к библейской праведнице Раав. Это период контрастных противопоставлений между княгиней-христианкой и ее языческим окружением.

В славянском Толковом Апостоле при Соборном послании св. апостола Иакова (Иак 2: 25), там, где рассказывается о Раав, помещена Похвала ей, приписываемая византийскому богослову Севериану Гавальскому². В седьмой беседе Иоанна Златоуста «О покаянии и сокрушении сердца, а также о томъ, что Богъ скоръ на спасение и медленъ на наказаніе; здесь же дивная повесть о Раави» приведена та же самая похвала о благочестии Раав в более развернутом виде.

Похвала Ольге в Повести временных лет ¹	Похвала Раав в славянском Толковом Апостоле ²	Похвала Раав в беседе «О покаянии» Иоанна Златоуста ³
<p>Си ко съаше аки луна в нощи. тако и си в невѣрнѣхъ челоуѣцехъ свѣтащеса аки бисеръ в калѣ. кални бо вѣша грѣхомъ. не шлювени крещеньемъ свѣтъимъ.</p>	<p>Толк. Севирианово. Слыши Писания, свидетельствующа ея оправдания, яже бѣ в блуде: <i>бисеръ в калѣ свѣтятся</i>, злато в тимѣнии повержено, цвет благочестия в тѣрнии подаваем, благочестная душа, в злочестной стране заточена.</p>	<p>И чтобы тебе знать высоту ее веры, послушай, как само Писание повествует и свидетельствует о совершенных ей добрых делах. Она жила в непотребном доме, как <i>драгоценный камень, валяющийся в грязи</i>, как золото, затонувшее в тине, как цвет благочестия, заглушенный тернием; благочестивая душа была заключена в злочестивом месте.</p>

¹ Окончание, начало см.: № 2 (52). С. 92–103.

² См. греческий текст: *Catenaе graecorum patrium in Novum Testamentum*. Edit J. A. Cramer. Ohonii. 1844. Т. 8. С. 18 (ΙΑΚΩΒΟΥ ΕΠΙΣΤΟΛΗ). Толковый Апостол по сравнению с другими видами Апостола имеет некоторые особенности. Толкования в нем написаны в виде катен, составленных, по всей вероятности, византийским богословом Никитой Ираклийским в XI в. В катенах используются отрывки сочинений известных богословов и толкователей Священного Писания. Один из них Севериан Гавальский, византийский богослов (? — 415 или 430), автор и рассматриваемой Похвалы Раав. Севериан Гавальский не относится к самым популярным византийским авторам, но, несмотря на это, известен древнеболгарским ораторам, которые ссылаются на его произведения [Славова, Милтенова, с. 172–174]. Проникновение столь древнего византийского текста (IV–V в.) в славянский Толковый Апостол не должно удивлять. Известно, что древние славянские литературы ориентируются на перевод более ранних, а не современных византийских сочинений.

³ ПСРА. М., 1926. Т. 1. Стб. 68.

** Похвала Раав в Толковом Апостоле. Цит. по: [Лихачева, с. 110].

*** О покаянии. Беседа VII // Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского, в русском переводе. СПб., 1896. Т. 2. Ч. I (Репринт: М., 1991). С. 366.

В сопоставляемой части эти тексты построены по принципу контраста: праведная женщина выступает на фоне своей грешной среды. Ольга «сияет как луна в ночи» и «светит как бисер в кале» среди «неверных людей». Оправданная блудница Раав «светит как бисер в кале», «как золото, брошенное в тине», «как цвет благочестия, подавленный в терние» среди жителей «злочестной страны», «как драгоценный камень, валяющийся в грязи»³. И Ольга, и Раав противопоставляются по вере и делам своему языческому окружению, с которым они связаны родственными узами. Княгиня Ольга стремится убедить сына-язычника принять христианство и молится о спасении своего рода и земли: «Рѣкѹщи вола Бжѣга да вѹдетъ. аще Бѣ хощеть помиловати рѣ моего и земли Рѹскиѣ. да възложитъ имъ на срѣце швратити къ Бѹ. также и мнѣ Бѣ дарова. и се рекши молашеса за сна. и за люди. по вса ноци и днѣи»⁴. Ханаанка Раав не принимает образ жизни своих сродников: «Да, говорить, у нихъ былъ такой учитель покаянїя — та дивная Раавъ, которую спасъ Я покаянїемъ. Она была изъ одного и того же рода; но такъ какъ она не была одинаковыхъ съ ними мыслей, то не прїобщившись ихъ невѣрїю, она не прїобщилаь и грѣху ихъ»⁵.

Раав становится праведницей благодаря любви к Богу и делам: «Не рѣчами одними только прїобрѣтаетъ она спасенїе, а предшествовавшей имъ вѣрою и любовью къ Богу»⁶. Тема праведности усилена в Похвале Ольге рядом библейскихъ цитат: «Праведныхъ бо доуша не оумирають. также рече Голоманъ. похваляемоу праведноу възвеселатся людье... рече бо пророкъ прославлѹщата ма прославию. ш сѹковѹхъ бо Давыдъ глаголаше в память вѣчнѹю. праведникъ вѹдетъ... Голоманъ бо рече праведници въ вѣки живоуть...»⁷.

Полное совпадение сравнения «светит как бисер в грязи» в летописной похвале и в Похвале Раав в Толковом Апостоле, а также общая направленность и структура прославлений обеих праведниц рождают следующие предположения и вопросы.

1. Можно утверждать, что сравнение «свѣтѹща. аки бисеръ в калѣ» (греч. *μαρμαρίτης ἐν βορβόρω*)⁸ по отношению к женскому персонажу с особым мессианским статусом, попавшему в конфессионально чуждую среду, заимствовано древнерусским книжником непосредственно из Похвалы Раав Севериана Гавальского из текста Толкового Апостола в его византийском оригинале (или в его славянском переводе).

Толковый Апостол появляется у восточных славян не раньше XII в. Его древнейший список — это Ростовский Апостол 1220 г. (ГИМ. Син. 7). О. П. Лихачева указывает на то, что именно этот список является источником для составителя начальной летописи, и подчеркивает значение библейскихъ ссылок для летописной поэтики: «Библейские параллели, в век библейскихъ

³ См. использование сравнения *перл в грязи/в тине* у Иоанна Златоуста — о пророке Давиде: «Он впал в прелюбодеяние и убийство. Он увидел, говорит Писание (2 Цар. 11: 2), моющуюся красивую женщину, и возгорел к ней любовью; потом свои помыслы привел в исполнение. И вот пророк в прелюбодеянии, *драгоценный перл — в грязи*» (О покаянии. Беседа II // Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста. Т. 2. Ч. I. С. 316); о Иосифе: «Какъ *перлъ, хотя бы брошенъ былъ въ тину*, показываетъ свою красоту, такъ и добродѣтель, куда бы ты ее не свергнулъ, проявляет свою силу — и въ рабствѣ, и въ темницѣ, и въ бѣдствїи, и въ счастья» (Беседы на книгу Бытїя. Беседа LXIII // Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста. Т. 4. Ч. II. С. 671).

⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 64.

⁵ О покаянии. Беседа VII // Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского, в русском переводе. Т. 2. Ч. I. С. 366.

⁶ Там же.

⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 68–69.

⁸ Нужно отметить, что устойчивое выражение *μαρμαρίτης ἐν βορβόρω* встречается часто в сочинениях Иоанна Златоуста: *ΙΩΑΝΝΟΥ ΤΟΥ ΧΡΥΣΟΣΤΟΜΟΥ ΤΑ ΕΥΡΙΣΚΟΜΕΝΑ ΠΑΝΤΑ*. Joannes Chrysostomus, Saint Patriarch of Constantinople. Opera omnia. 1834. Т. 2. С. 339 (De poenitentia, Homil. II), 395 (De poenitentia, Homil. VII); *ΙΩΑΝΝΟΥ ΤΟΥ ΧΡΥΣΟΣΤΟΜΟΥ ΤΑ ΕΥΡΙΣΚΟΜΕΝΑ ΠΑΝΤΑ*. Joannes Chrysostomus, Saint Patriarch of Constantinople. Opera omnia. 1837. Т. 10. С. 956 (In Samaritanam. In die mediae Pentecostes); *Patrologiae, Cursus completus, Series graecae*. Joannes Chrysostomus 1862. Т. 48. С. 1033, а также у Кирилла Иерусалимского: *ΚΥΡΙΑΛΛΟΥ ΑΡΧΙΕΠΙΣΚΟΠΟΥ ΙΕΡΟΣΟΛΥΜΩΝ ΤΑ ΣΩΖΟΜΕΝΑ ΙΕΡΟΣΟΛΥΜΟΙΣ*. 1867. С. 64.

переводов особенно, характерны для произведений этой эпохи, и особенно для исторического повествования, которое летописец воспринимал равноценным Священному Писанию, поскольку история есть проявление промысла Божия» [Лихачева, с. 112].

Мною выявлена еще одна редакция Похвалы Раав — в слове «О покаянии и сокрушении сердца, а также о томъ, что Богъ скоръ на спасение и медленъ на наказаніе; здесь же дивная повесть о Раави», приписанном Иоанну Златоусту. Надо учесть также, что слово «О покаянии...» содержится и в Дополнении к Краткой редакции Златоструя, встречаемом только в русских источниках [Милтенов, с. 106–107, 111].

Все это говорит о сложном взаимоотношении трех текстов. Большая близость между отрывками из Похвалы Раав у Севериана Гавальского, включенной в Толковый Апостол, и в Беседе Иоанна Златоуста ставит вопрос о том, которая из них могла быть источником для славянского составителя Похвалы Ольге в ПВЛ. В. Велинова⁹ высказывает следующее мнение: Толковый Апостол был переведен в готовом виде с греческого, так что вероятность того, что Похвала Раав Севериана Гавальского была первоисточником для летописи, очень большая. С другой стороны, Беседа Иоанна Златоуста, в которую включена Похвала Раав, является частью только русских интерполяций к Златоусту, и возможно, что она была вторичной, то есть возникла под влиянием Толкового Апостола. Вероятно, только детальное текстологическое исследование обоих текстов даст ответ на вопрос о первоисточниках, тем более что очень часто в средневековой книжной практике произведения Севериана Гавальского приписываются Иоанну Златоусту.

2. Не является ли сравнение «свѣтѣцѣса. аки бисеръ в калѣ» поэтическим топосом, как и другие подобные противопоставления («злато в тимѣнии повержено», «цвет благочестия в тѣрни подавляем») из образного тезауруса похвального жанра вообще?

«Бисер» (жемчуг) и «кал» (грязь) как самостоятельные образы, а также в составе выражения «как бисер в кале» несут устойчивый переносный смысл и присутствуют в ряде текстов.

Слово «бисер» имеет протоболгарское происхождение¹⁰. Сам по себе образ бисера и сравнение с бисером нередко встречаются в текстах Slavia Orthodoxa¹¹. Словосочетание «бисер многоценный» восходит к Евангелию, к образу Христа. ПВЛ также использует это сравнение, притом в тексте о крещении Ольги: «си во ѿ възраста блаженана Ѡльга. искаше мѹдростью. все въ свѣтѣ семь. налѣзе бисеръ многоцѣнныхъ. еже есть Христосъ»¹². С бисером сравнивается Христос и в Акафисте св. Нине. В отношении Христа сравнение «бисер многоценный» встречается и в ораторском творчестве Илариона, митрополита Киевского (ИларПосл XI сп. XIV, 202). В Похвале св. Кирилу и Мефодию Климента Охридского ценность слов, произнесенных славянскими равноапостолами, уподоблена «бисеру многоценному», вероятно, по аналогии с Христовыми словами: **Медоточѹна съти медвѣннии словеса ваю, илиже насладиста всю въселенюю, тако бисеръ многоцѣннъ источѹша, съкровищ гни...**¹³. См. также: **Дражъша во бисѣра соутъ стѣга словеса** (Изборник 1076).

В похвальных словах образ бисера часто выступает не только как символ Христа, но и как символ святых [Петканова, с. 150]. В ораторском творчестве Климента Охридского встречается

⁹ Выражаю ей благодарность за ценную консультацию.

¹⁰ Старобългарски речник. С., 1999. Т. I. (А–И). С. 71.

¹¹ См.: Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. М., 1989 (репринтное изд.). Т. I. Ч. I. С. 89; Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 1988. Т. I. С. 161–162; Словарь слов и служб Климента Охридского [Христова, с. 47], а также: [Петканова, с. 148 – 150]. Была проверена также лексика Толковой Палеи и Енинского Апостола.

¹² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 62.

¹³ Похвала Кирилу и Мефодию // Климент Охридски. Събр. съч. София, 1970. Т. I. С. 473.

сравнение святых с драгоценным бисером (св. Кирилл и Мефодий, пророк Захария). В проложном житии Мартовского Пролога св. Феодор сравнивается с честным бисером (Пр. 1383). В ПВЛ, по словам Соломона, добрая жена похожа на «драгоценный камень»: «*добрѣхъ жена рѣ. драгѣши естъ каменѣа многоцѣнна*»¹⁴.

Слово «калъ» ('грязь')¹⁵ — символ нечистого в физическом и нравственном смысле. В старых текстах «грязь» часто синоним «тины» (тимѣниѣ — 'тина, грязь'¹⁶) или комбинируется с этим образом: *Свинина омывшиста въ калъ тиннѣи* (2 Петр, 2: 22); *Ни тина, ни кал* (Палея XIV в. 10). В Евангелии и в других текстах «бисер» вступает в антиномичные конструкции, как часть метафорических пар «бисер и свиньи», «бисер и тина», в смысле «выделяющийся по своим качествам в духовно и морально нечистом окружении»: *Не дадите стѣаго пьсомъ ни помѣтаете висѣръъ вашихъ прѣдъ свиниами* (Мат. 7:6, Остр. ев)¹⁷; *Толика твоеа Христа мѣсти и ѹлѣкпюбиа сила. Ико ѿ смрадныа тины бисеръ створить* (СбЯр XIII, 48 об.).

Евангельское выражение «ни помѣтаете висѣръъ вашихъ прѣдъ свиниами» («не бросайте жемчуга вашего пред свиньями») можно рассмотреть и в контексте византийского миссионерства как корреляцию между миссионерами и язычниками [Ivanov, p. 295–301].

Несмотря на устойчивость «жемчуга» и «грязи» как образов, присутствовавших в ряде текстов, думается, что сравнение «как бисер в кале» в отношении женского персонажа с особым мессианским статусом, попавшего в конфессионально чуждую среду, могло быть непосредственным заимствованием древнерусского книжника из Похвалы Раав Севериана Гавальского в Толковом Апостоле. Присоединяюсь к мнению О. П. Лихачевой по поводу истоков этого совпадения.

В Похвале Ольге улавливаем еще одну библейскую отсылку. Третье контрастное сравнение в Похвале Раав Севериана Гавальского «цвет благочестия в тернии подавляем» имеет свою параллель в библейской книге «Песнь песней Соломона»¹⁸. Однако там контекстуальная определенность другая — любовное чувство, породившее сопоставление: «*Икоже крѣнѣ по срѣдѣ терниа, тако искрѣнаа моя по срѣдѣ дѣщерѣ*» (Песнь песней 2: 2) [Алексеев, с. 21] («Что лилия между тернами, то возлюбленная моя между девицами»). Летописный «бисер в кале» в смысловом и стилистическом отношении сопоставляется с «крином в тернии». Снова в этой библейской книге выступают солярные и световые образы в отношении возлюбленной, подобно таким же образам в Похвале Ольге: «*Кѣто си естъ прѣницаищиа, тако оутро добра, тако луна избѣрана, тако слѣнце, оужастъ тако оучинѣнѣа ?*» (Песнь песней 6: 9) [Алексеев, с. 25] («Кто эта блистающая, как заря, прекрасная, как луна, светлая, как солнце, грозная, как полки со знаменами?»).

Итак, проведенный анализ позволяет сделать вывод, что Похвала Ольге в ПВЛ опирается на несколько образцов. Это прежде всего похвальные тексты, посвященные Богородице, в византийской и древнеболгарской литературах и конкретно Акафист Богородице и Похвальное слово на Успение Богородицы Климента Охридского. Наблюдается явная зависимость прославления св. Ольги от Богородичной модели, то есть от христианской литературной практики прославления Богородицы. Следующий образец ведет к ветхозаветной символике праведной женщины в Похвале праведнице Раав, составленной Северианом Гавальским и включенной в славянский Толковый Апостол и присутствующей в Беседе о покаянии Иоанна Златоуста. Для составителя Похвалы особое значение имеет ветхозаветная смысловая параллель св. Ольга

¹⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 80.

¹⁵ Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. Т. I. Ч. 2. Стб. 1183–1184.

¹⁶ Там же. Т. III. Ч. 2. Стб. 959.

¹⁷ Там же. Т. I. Ч. I. Стб. 89.

¹⁸ Об истории «Песни песней» в славянских литературах Средневековья см.: [Алексеев].

— Раав, которая должна заявить имплицитно роль Ольги как праплатери русских христиан, противопоставившей своему языческому окружению, подобно Раав — одной из библейских прародительниц Иисуса Христа. Можно предполагать и опосредованное влияние библейской книги «Песнь песней», задающей модель женской красоты и ее восхваление на много веков вперед.

Сделанные наблюдения позволяют предложить некоторые возможные трактовки и гипотезы по поводу поэтики и генезиса летописной Похвалы Ольге в ПВЛ под 969 г. Если довериться им, то следует прибавить к списку источников, использованных при создании ПВЛ ([Шахматов, с. 9–150; Данилевский, с. 86–118, Станков, с. 45–98]; среди них предположительно отмечалось и творчество Климента Охридского [Каймакамова, с. 25]), новый возможный образец — Климентовы слова о Богоматери. Текстологический анализ подтверждает высказанные ранее в русской медиевистике предположения о влиянии Акафиста Божией Матери и Похвалы Раав в славянском Толковом Апостоле на Похвалу Ольге. Удалось определить еще одну редакцию Похвалы Раав в составе Беседы, приписываемой Иоанну Златоусту, и учесть ее наличие в составе Златоуструя. Являясь неиссякаемым источником литературных образцов, Библия становится источником скрытой символики также для Похвалы Ольге, что видно в параллелях с книгой «Песнь песней». Таким образом, на основе сделанного анализа мы можем расширить представления о значении библейских моделей, византийской литературы и творчества древнеболгарского книжника Климента Охридского при формировании летописной поэтики и литературной практики в Киевской Руси.

Литература

- Алексеев А. А. Песнь песней в древней славяно-русской письменности. СПб., 2002.
- Данилевский И. Н. Повесть временных лет (Герменевтические основы изучения летописных текстов). М., 2004.
- Каймакамова М. Сведения за българите и христианска България в руската хроника «Повесть временных лет» (XI–XII в.) // Русия в отраженията на историята. В памет на проф. Ем. Михайлов. Almanach. Via Eurasia. 2012. № 1. С. 20–29.
- Милтенов Я. Златоуструй: старобългарски хомилетичен свод, създаден по инициатива на българския цар Симеон. София, 2013.
- Лихачева О. П. Яко бисер в кале // ТОДРЛ. СПб., 1997. Т. 50. С. 110–112.
- Петканова Д. Средновековна литературна символика. София, 2000.
- Пикио Р. Функцията на библейските тематични ключове в литературния код на православно славянство // Пикио Р. Православно славянство и старобългарската културна традиция. София, 1993. С. 385–435.
- Ранчин А. М. О «неявной» символике в древнерусской агиографии // Ранчин А. М. Вертоград златословный. Древнерусская книжность в интерпретациях, разборах и комментариях. М., 2007. С. 152–164.
- Славова Т., Милтенова А. Теологично и философско наследство. Съчинения по естествознание // История на българската средновековна литература / Съставител А. Милтенова. С., 2008. С. 170–178.
- Станков Р. Древнеболгарский перевод Хроники Георгия Амартола в древнерусской письменной традиции // Старобългарска литература. 2008. Кн. 39–40. С. 45–98.
- Христова И. Речник на словата на Климент Охридски. София, 1994.
- Чекова И. Художественное время и пространство в летописном повествовании о княгине Ольге в Царьграде // Годишник на Софийския университет «Св. Климент Охридски». Факултет по славянски филологии. 1993. Т. 86. Кн. 2: Литературознание. С. 5–25.
- Шахматов А. А. Повесть временных лет и ее источники // ТОДРЛ. М.; Л., 1940. Т. 4. С. 9–150.
- Ivanov S. A. Casting pearls before circe's swine: the byzantine view of mission // Mélanges Gilbert Dagron, Travaux et Mémoires 14, Paris, 2002. P. 295–301.